

Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 1. : Философская эстетика 20-х гг. М. : Русские словари, Языки русской культуры, 2003.

Клишина Е. Книжник. [Электронный ресурс]. URL: <https://knizhnik.org/elena-klishina/spojlery/1> (дата обращения – 25.04.2022)

Комаров А. С. Авторские стратегии в процессе художественного общения с читателем [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskaya-strategiya-v-protsesse-hudozhestvennogo-obscheniya-s-chitatelem/viewer> (дата обращения – 07.04.2022)

Сергеева Ю. М. Внутренняя речь как особая форма языкового общения (на материале англоязычной художественной литературы): автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2009. 35 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.disscat.com/content/vnutrennyaya-rech-kak-osobaya-forma-yazykovogo-obshcheniya-na-materiale-angloyazychnoi-khudo> (дата обращения – 07.04.2022).

Читаем вместе. Навигатор в мире книг. Удалить эту запись? [Электронный ресурс]. URL: <http://chitaem-vmeste.ru/reviews/udalit-etu-zapis> (дата обращения – 07.04.2022)

Ismatova R. Z. Author's strategies in the novels of L. Romanovskaya «Delete this entry» and E. Klishina «Spoilers»

Abstract. This article analyzes the author's strategy of modern writers who create an imitation of Internet communication in works for teenagers. Using the example of the novels by L. Romanovskaya «Delete this entry?» and E. Klishina «Spoilers», the functions of this strategy are considered. On the one hand, it gives the work an acute relevance, on the other hand, it unites the author, the hero and the reader in a single semantic and symbolic field. Imitation of communication on the Internet allows the authors to show both the possibilities of conducting a full-fledged dialogue and some limited means of communication of network users.

Keywords: author's strategies, Internet communication, blogs in literature, modern literature for teenagers.

Н. Б. Король

(науч. руководитель О. А. Иоскевич)

Гродненский государственный университет,
Гродно, Беларусь

Особенности функционирования эпистолярного жанра в прозе М. Шишкина (на материале романов «Венерин волос» и «Письмовник»)

Аннотация. Статья посвящена анализу функционирования эпистолярного жанра в романах М. Шишкина «Венерин волос» и «Письмовник». В работе исследуются основные признаки анализируемого жанра, авторская интенция при включении эпистолярных элементов в основной нарратив романа «Венерин волос», выявляется связь между авторским вниманием к эпистолярной форме и шишкинской философией онтологичности Слова. Проводится сравнительный анализ эпистолярного жанра в «Венерином волосе» и «Письмовнике», на основе чего описывается развитие авторской мысли и авторского понимания Текста.

Ключевые слова: Михаил Шишкин, эпистолярный жанр, трансформация, полифония.

Современное литературное пространство характеризуется полифоничностью голосов, эклектичностью форм и жанров, а также смещением акцента с Автора как субъекта мысли и носителя высшего смысла на текст. Это связано с философией постмодернизма и понятием «смерти субъекта», разрабатываемого Ж. Батаем, Р. Бартом, Ж. Дерридой, М. Фуко и др.

Одной из предпосылок возникновения указанного понятия является структурализм, в рамках которого познающая личность перестает быть субъектом осмысления, и на передний план выходит «бессознательное». Жак Лакан, используя структуралистскую методологию для исследования бессознательного, приходит к тому, что человек не управляет своим высказыванием, а подчиняется паттернам, которые задает ему язык: структура языка навязывает бессознательному ту форму, которую оно принимает [Лакан 1995: 39]. Соответственно, Текст и форма текста довлеют над личностью, классическая модель субъекта / объекта познания не работает, а «центр тяжести переносится с личного субъекта на безличный текст» [Грицанов: URL]. А. А. Сербул отмечает: «Постмодернистская философия решает вопрос о том, кто говорит переносом смысла субъективности с актора на механику акта, таким образом декларируя абсолютную детерминированность субъекта структурами, определяющими форму актуализации субъективности» [Сербул 2011: 52]. Постмодернизм, таким образом, деструктирует человеческое Я как единоличный субъект познания, а вместе с со «смертью автора» происходит рождение «скриптора», который появляется «одновременно с текстом, у него нет никакого бытия до и вне письма» [Барт: URL].

Роман М. Шишкина «Венерин волос» структурирован в рамках описанной выше концепции и отличается условностью героя-личности и превалированием текста над скриптором. Произведение состоит из полифонично и, на первый взгляд, автономно организованных нарративов, сюжет которых зачастую хаотичен: герои меняются местами, ирреально сменяется место и время действия, в изначально линейный сюжет вмешиваются как будто чужие истории. В целом, роман посвящен онтологичности Слова и размышлениям о природе человеческой вечности в Тексте. Самой формой произведения демонстрируется постмодернистская концепция смерти субъекта и единственно возможного его существования в Слове. Показательна здесь следующая мысль: «Вас еще нет. Видите – пустые листы бумаги» [Шишкин 2020: 135]. В художественном мире Шишкина существование человека прямо пропорционально записанному о нем: чем больше деталей выхвачено из мимолетного и записано в бесконечное, тем более полно будет «присутствовать» человек. Так, например, дневник Изабеллы, являющийся ее «восстанием из гроба», изобилует, на первый взгляд, лишними отступлениями: «Старуха действительно писала очень подробно о каких-то ненужных, интересных только ей людях, вспоминала без конца какие-то неважные детали» [Шишкин 2020: 112]. Однако все моментальное делает существование Беллы снова реальным, а она, как скриптор, с каждым прочтением воскресает.

Условно объективная реальность сменяется в романе реальностью текстовой, которая предстает единственно возможной для преодоления физической смерти: «Скажите, а зачем вы записываете то, что я говорю <...>. Чтобы от вас хоть что-то осталось» [Шишкин 2020: 306]. Текст в романе буквально перестает быть объектом мыслетворчества и сам становится актором: «Истории – рука, вы – варезка. Истории меняют вас, как варезки. Поймите, истории – это живые существа» [Шишкин 2020: 134]. В «Венерином волосе» формально создается реальность, при которой для истории, или Текста, не имеет значения личность, для факта повествования не важен герой, действующий в нем, важна его функция. Поэтому в произведении так много персонажей, существующих одновременно в разных историях и принимающих чужие истории за свои: Анатолий, на страницах романа «проживший» судьбы охранника, солдата, милиционера и заключенного; Енох, отрицающий подлинность навязываемой Толмачом истории, но продолжающий рассказывать; Таня, выполняющая функцию влюбленной женщины в разных нарративах. Например, в истории о Дафнисе и Хлое: «Это ведь она [Хлоя] кричала, что у нее мозгов нет, но есть матка <...>. Вернее, это она будет кричать потом, когда ее наденет на руку какая-то другая история» [Шишкин 2020: 158]. Те же слова произносит Таня в истории Анатолия, позже та же девушка появляется и в повествовании Еноха. Персонажи романа полностью обезличены, у них нет индивидуальной и неповторимой судьбы, которая могла бы отличить их от остальных героев. Они

действительно рождаются вместе со Словом и «умирают» с окончанием повествования, «воскрешаясь» в других историях и Словах.

С этим связана и «размытость» характеров героев, которые являются носителями общей философской концепции. Все их мысли и действия направлены на раскрытие шишкинского понимания бессмертия и онтологичности Текста. В целом, привычки и особенности персонажей романа, с классической точки зрения необходимые для цельного восприятия героев, читателю не известны: все, что находится за рамками Слова или в данный момент не записано, не имеет значения. В «Венерином волосе» «безликость» героев является следствием и одновременно необходимостью для буквальной демонстрации смерти субъекта. Автор подчеркивает, что «все истории уже сто раз рассказаны. А вы – это ваша история» [Шишкин 2020: 58]. Вспомним работы В. Я. Проппа «Морфология сказки» и Дж. Кэмпбелла «Тысячеликий герой», демонстрирующие общность и архаичность структуры любого нарратива. Это объясняет парадокс романа «Венерин волос»: не зная о героях практически ничего, мы одновременно знаем о них все, ведь любая история, в которую помещены эти герои, на структурном уровне нам уже известна. Так, например, центральный герой повествования, Толмач, не имеет личного имени, его жену зовут Изольда, а ее бывшего мужа Тристан, т.е. предполагаемые «фактические» судьбы этих персонажей заменены на известные условности или роли: Толмач, переживая развод с Изольдой, приходит к тому, что он и есть Тристан. И в этой условности и «безликости» появляется один из наиболее личных жанров – эпистолярный.

По мысли О. О. Рогинской, «в романе в письмах основной конфликт обнаруживается не в сфере отношений человека с миром, а внутри самой личности» [Рогинская: URL]. Эпистолярная форма приходит в литературу со сменой парадигмы с эпической на лирическую, она «аккумулирует в себе <...> смещение акцентов с мира внешнего на мир внутренний» [Рогинская: URL]. Однако введение данного жанра в роман, в котором «истории настоящие», а люди нет, обусловлено, скорее, не интересом автора к внутреннему миру его героев, а демонстрацией «живительной» силы Текста. Рогинская считает, что проза в письмах получила в России две главных нарративных линии: во-первых, это классический любовный сюжет; во-вторых, сюжет поиска героем своего Я «посредством освоения письменного слова». Шишкинская эпистолярная форма, очевидно, тяготеет ко второму варианту, однако если для классической версии Слово было вспомогательным элементом в осознании героем себя, и окружающего мира, то в «Венерином волосе» Слово и есть Я, поэтому герои пишут, чтобы их личность рождалась и не умирала.

Эпистолярный жанр в данном романе представлен в виде писем Толмача его сыну. Художественное письмо имеет свою бытовую первооснову, в связи с чем в большинстве случаев организуется по принятому образцу: наличие конкретного адресата, вопросно-ответная форма, ярко выраженное личностное начало и понимание письма не как самоцели, а как средства. В случае Шишкина все эти элементы носят условный характер, т. к. даже на уровне пишущего и получателя у читателя нет конкретных данных. О том, что письма адресованы именно сыну, мы узнаем не сразу, потому что Толмач не указывает имени ребенка, обращаясь к нему «любезный Навуходонозавр», что подчеркивает не важность личности, к которой обращаются, а центральность самого обращения. Мы так и не узнаем о получателе писем главного героя ничего конкретного: в них нет общих воспоминаний или характеристик, даже сам Толмач не знает, есть ли у его сына семья. Письма Толмача теряют приближенность к бытовой основе и представляют собой смесь писем, философских рассуждений, дневника и саморефлексии. В них так же, как и во всем романе, красной нитью проходит идея жизни в Тексте: «У неотправленных писем есть особенность протыкать время. <...> Можем через многолетье и многозимье поболтать о погоде – я сейчас и здесь, а вы тоже сейчас и здесь» [Шишкин 2020: 245].

В художественном мире Шишкина обретает жизнь только то, что записано: Толмач, что немаловажно, пишет о себе в третьем лице, «фиксируя» в Тексте свое настоящее и прошлое, рассказывая о, казалось бы, незначимых деталях. Конкретный адресат для этого ему

не нужен, поэтому Толмач выступает адресатом самому себе, а запись в третьем лице лишает письма какого-либо субъективного начала и дает возможность присутствия Другого: «Лишенная Я самость является в постмодернизме либо пассивной формой организации текста – определенным способом устроения значений, либо голосом Другого» [Сербул 2011: 53]. Соответственно, на вопрос о том, нужно ли фактическое присутствие второго субъекта для коммуникации и «рождения» в Тексте, Шишкин отвечает отрицательно, демонстрируя реальность общения со своим Я как с Другим. Писем с адресатом в романе всего три, далее появляются тексты, написанные в той же форме и продолжающие сюжет уже рассказанного Толмачом уже без адресата.

По-иному функционирует эпистолярный жанр в более позднем романе «Письмовник»: если в «Венерином волосе» для формальной организации романа основной была установка на смерть субъекта, то «Письмовник» демонстрирует философию позднего постмодернизма и связанную с ней идею воскрешения субъекта. Начатый еще в «Венерином волосе» поиск опорных точек внетекстовой личности находит завершение именно в данном романе. Программа современного постмодернизма «ставит своей целью выявление субъекта в контексте вербальных практик» [Грицанов: URL], а кризис идентификации, или кризис человеческой судьбы, заключающийся в нарративном варьировании и подчеркнутой произвольности вариантов истории, преодолевается с помощью поиска «универсальных ценностей». Такой универсальной категорией, представляющей собой опорную точку бытия, являются любовь, семья и рождение детей.

«Письмовник» представляет собой эпистолярный роман с классическим, на первый взгляд, сюжетом, заключающимся в переписке двух влюбленных: молодой человек, Володя, участвует в русско-японской войне, а девушка, Саша, ждет его дома. В отличие от «Венериного волоса», письма в данном романе вполне субъективны: у обоих героев есть условно общие воспоминания, привычки, характер и вполне определенное прошлое. Основным отступлением от эпистолярного канона становится принципиальная невозможность фактической коммуникации героев: Володя пишет в начале XX в., а Саша – в конце, при этом герой на момент переписки уже мертв. Соответственно, коммуникативная функция письма в романе отсутствует. Переписка двух никогда не встречавшихся людей становится закономерным продолжением идеи главенствования текста над личностью: вполне вероятно существование историй и Володи, и Саши вместе с их одноименными возлюбленными, поэтому неважно, кому именно они пишут, письма в любом случае дойдут.

При этом очевидна и переориентация Шишкина с Текста на субъект через поиск и утверждение универсальных категорий любви, рождения и смерти, которые реализуются и имеют значение только в контексте взаимодействия с другим субъектом. Акцент переносится с акта записывания на адресата: «Все, что со мной происходит, реально только потому, что думаю, как тебе про это написать» [Шишкин 2021: 85]. В связи с этим письмо перестает быть самоцелью и становится средством, к чему приходит и Володя, наделявший Слова сакральной значимостью и искавший в них спасение от смерти: «Все, что в жизни происходит важного, – выше слов» [Шишкин 2021: 200]. Текст в «Письмовнике» предстает «плохим переводом с оригинала», а единственное доказательство вечного и непрерывного течения бытия – рождение ребенка и смерть его родителя. Отметим и лиризацию повествования, а также раскрытие главных героев через их письма: и Володя, и Саша проходят классическую эволюцию мысли, внешне сложный сюжет вмещается в их записи, отчасти сохраняется бытовая первооснова эпистолярного жанра, а главные герои все же осознаются субъектами познания.

Таким образом, функционирование писем в романах «Венерин волос» и «Письмовник», а также трансформации, присущие данному жанру в произведениях Шишкина, обусловлены философскими концепциями онтологичности Слова и воскрешения субъекта. Основные отступления от канона (фиктивность адресата, выхолащивание бытовой первоосновы, безликостью скриптора) в «Венерином волосе» объясняются интенцией автора на

демонстрацию субъектности Текста, тогда как в более позднем романе Шишкин возвращает письму его статус «средства» и приближает данный жанр к классическому инварианту.

Литература

Барт Р. Смерть автора [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/literature1/barthes-94e.htm> (дата обращения – 12.01.2022)

Грицанов А. А. История философии: энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: http://yanko.lib.ru/books/encycl/hist_of_philosophy_encycl_gricanov.htm (дата обращения – 14.01.2022)

Грицанов А. А. Новейший философский словарь [Электронный ресурс]. URL: http://nlr.ru/res/inv/guideseria/filosofia/record_full.php?record_ID=29&rid=2 (дата обращения – 16.01.2022)

Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М. : Гнозис, 1995. 192 с.

Рогинская О. О. Эпистолярный роман: поэтика жанра и его трансформация в русской литературе [Электронный ресурс]. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-all/roginskaya-epistolarynyj-roman.htm> (дата обращения – 10.01.2022).

Сербул А. А. «Смерть субъекта»: философско-культурологический анализ проблемы субъекта в постмодернистском дискурсе // Вестник Полесского государственного университета. 2011. №2 (2011). С. 51–56.

Шишкин М. Венерин волос. М. : АСТ, 2020. 510 с.

Шишкин М. Письмовник. М. : АСТ, 2021. 380 с.

Karol N. B. Peculiarities of functioning of the epistolary genre in the prose of M. Shishkin (on the material of the novels «Venus hair» and «Letter-book»)

Abstract. The article is devoted to the analysis of the functioning of the epistolary genre in M. Shishkin's novels «Venus Hair» and «The Letter Book». The paper examines the main features of the analyzed genre, the author's intention when including epistolary elements in the main narrative of the novel «Venus Hair», reveals the relationship between the author's attention to the epistolary form and Shishkin's philosophy of the ontology of the Word. A comparative analysis of the epistolary genre in «Venus Hair» and «Letter Book» is carried out, on the basis of which the development of the author's thought and the author's understanding of the Text is described.

Keywords: Mikhail Shishkin, epistolary genre, transformation, polyphony.

Е. М. Михеева

(научн. руководитель Т. Н. Бреева)

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия

Эпистолярный нарратив в романе В. Шарова «Возвращение в Египет»

Аннотация. В данной статье рассматривается характер и развитие эпистолярного нарратива как эго-текста в литературе конца XX – начала XXI веков, а также особенности его функционирования в романе В. Шарова «Возвращение в Египет» и основные принципы организации повествования. Автором определяется роль эпистолярного нарратива в реализации постмодернистского взгляда на историю, анализируется структура исследуемого феномена и его смысловое содержание.

Ключевые слова: эпистолярный нарратив, В. Шаров, исторический нарратив, документализм, эго-текст.